

Мнимость и действительность свободы

Арс Либрев

[Лицензия CC BY-SA](#)

Определение свободы

Когда-то очень популярный, но ныне практически забытый, несмотря на свое возвращение, интернет-персонаж Мистер Фримен определял свободу как право выбора.¹ Данная формулировка представляется не слишком удачной. Понятие права определяет комплекс норм поведения, принятых в обществе, и неразрывно связано с навязыванием этих норм, а также обосновывающих их взглядов, одних членов общества другим. Иными словами, оно неразрывно связано с классовым устройством общества, и реализуемом в нем угнетением. Комплекс норм вырабатывается институтами государства, которыми руководит правящий класс, и соответственно, именно отстаивание интересов этого класса, в ущерб интересам других, и выражает «право». Такое же фундаментальное понятие, как свобода желательно было бы определять через что-то более объективное. Более удачной формулировкой понятия свободы представляется ее определение, как возможности выбора. Свобода — это возможность выбора. А что такое выбор?

Этот вопрос, при такой формулировке, является ключевым для понимания сути свободы.

Обманчивость иллюзии выбора

Выбор, это реализация возможности принимать самостоятельные решения. Возможности действовать в соответствии со своими интересами и целями. Вообще попытки раскрыть это понятие наталкиваются на тавтологию, а поскольку его смысл ясен интуитивно, необходимости в таком раскрытии нет.

Для того, чтобы говорить о действительности свободы, возможности ее достижения в обществе, необходимо ответить на вопрос, а есть ли этот самый выбор у человека? Действительно ли люди сами принимают решения? Или же поведение человека полностью предопределено? Может каждое его действие, это лишь следствие определенных предубеждений, заложенных генетически или еще каким-то образом?

Такая точка зрения, утверждающая, что выбор, это лишь иллюзия, и люди обречены поступать в определенных ситуациях строго определенным образом, крайне распространена. Многие ее сторонники обосновывают свою позицию

ссылками на генетику, якобы человек в своих действиях реализует программу, заложенную в его генах.

Как правило, разъяснение ее заключается в изложении так называемой теории переключателей, базирующейся на абсолютизации действия законов Менделя. Ее суть в следующем. Если у человека есть определенный ген, полученный по наследству или возникший в результате мутации, этот ген станет причиной возникновения определенного признака. Например, ген, отвечающий за избыток пигмента в волосах, сделает их темными. Тогда как отсутствие такого гена, или присутствие рядом с ним другого, гасящего его действие, приведет к светлому окрасу.²

Эти выводы распространяют с физиологии на психику индивидов. Указывается, что также как определенный набор генов отвечает за конкретные параметры физиологии и предрасположенность к болезням, также он определяет и черты характера и умственные способности. Они являются следствиями наличия генов, кодирующих их. А гены эти существуют ввиду того, что они, возникнув в процессе мутаций, закрепились в результате естественного отбора, так как реализуемое, благодаря их наличию, поведение, давало преимущество индивиду в деле размножения, — распространения своих генов. То есть, тот индивид, который владел этими генами, имел больший шанс передать их следующему поколению.³

Однако, общая совокупность данных генетики говорит отнюдь не в пользу этой позиции. Ведь даже если брать такую, казалось бы однозначно связанную с наличием либо отсутствием определенных генов вещь, как болезни, обнаруживается, что из всех известных недугов, лишь очень малая доля проявляется, как следствие описанного выше механизма переключателей. Большая же часть имеет крайне сложную природу возникновения, где обратные связи, возникающие между генами, образом жизни и окружающей средой полностью размывают всякую определенность и конкретность причины возникновения и характера течения болезни.⁴

Это указывает на то, что и психические качества, не имеют такой однозначной причины в генах. Таким образом, на уровне генов как таковых, предопределенность поведения человека не выявляется.

Существуют, тем не менее, эксперименты, вроде как, подтверждающие предопределенность выбора. В одном из них, участникам предлагалось выполнять задачи в случайной манере, такой как генерация случайных чисел. В результате, их поведение выявило множество паттернов.⁵

В других экспериментах измерялась мозговая активность подопытных, пока перед ними стояла определенная задача, включающая принятие решений. Было обнаружено, что активность в определенных участках мозга возрастает

еще до того, как подопытный сознательно принимает решение. Таким образом, выбор происходил без участия сознания. Только после подопытный осознавал возникшее решение и воспринимал его, как сделанный им сознательно выбор.⁶

Есть эксперименты, в которых по томограмме мозга ученым удавалось, хоть и не со стопроцентной точностью, предугадывать решения испытуемых за несколько секунд до того, как они были осмыслены самими испытуемыми.⁷

Все эти эксперименты, однако, не указывают на отсутствие выбора. Ведь возникает вопрос — почему в этих экспериментах подопытные, пусть и бессознательно, в одних случаях проделывали одно, а в других случаях другое действие? Программа заложенная в генах, в качестве объяснения не подходит, по причинам разъясненным выше. Что в человеческом мышлении является источником принятия решений? И что значит осознавать их? Чтобы ответить на эти вопросы, можно для начала попытаться обратить внимание на работу мозга человека.⁸

На сегодняшний день процессы происходящие в мозгу — электрические взаимодействия нейронов и синапсов — изучены хорошо.⁹ Однако, знание мозговой активности никак не раскрывает сути мышления. Для понимания того, как например, ученые приходят к своим открытиям, или как художники создают свои произведения, физиология высшей нервной деятельности дать ничего не может.¹⁰ Мозговая активность может служить индикатором психической деятельности, но она не есть сама психическая деятельность.¹¹

Если говорить об осознании решения, то как показывают эксперименты, в мозгу весьма своеобразно отражается восприятие времени.¹² Осознание деятельности не есть сама по себе деятельность, мозг может выдавать осознание только в том случае, когда способен связать действие как следствие и свое решение как причину.¹³ Само же решение при этом происходит неосознанно и оно не является случайным. Но от этого оно не перестает быть принятием решения. Между совершением выбора и его вербализованной реализацией есть разница.¹⁴

Нельзя не отметить, что выбор, который делался в указанных экспериментах, касался очень тривиальных действий.¹⁵ И даже в них предсказания удавалось делать отнюдь не со стопроцентной точностью. При попытке же зафиксировать и предсказать выбор чего-то более сложного — жизненных планов, долгосрочного проекта и т.п., — сложность задачи возрастает экспоненциально. И также как на практике невозможно при помощи известных законов физики элементарных частиц описать всю химию, не говоря уже о биологии, даже просто описать атомы элементов сложнее водорода (хотя эти законы полностью объясняют их структуру и поведение),¹⁶ так и невозможно описать и предсказать выбор человека при помощи измерения

активности мозга (не говоря уже о том, что невозможно измерять активность мозга у всех людей в режиме реального времени — на всех на постоянной основе томограф не закрепил).

Предопределенность же нельзя рассматривать как абсолютную на том основании, что у каждого явления есть причина.¹⁷ Квантовые процессы, при том, что законы квантовой физики совершенно точные, невозможно описать без вероятностного подхода.¹⁸ Молекулярная физика описывается статистическими законами, то есть там опять же имеет место только относительный детерминизм. То же и с термодинамикой. Детерминизм неоднозначен даже в рамках общей теории относительности.¹⁹

Попытка сведения объяснения любых явлений к объяснению только самых фундаментальных, которые лежат в основе более сложных, наталкивается на проблему, которая заключается в том, что то же самое качество, в ином количестве, есть уже другое, новое качество. Бессмысленно говорить о химии на уровне взаимодействия отдельных элементарных частиц. Бессмысленно говорить о температуре на уровне отдельных молекул. Так и о выборе, вообще о мышлении, бессмысленно говорить на уровне взаимодействия элементов мозга.

Таким образом, в мире существует лишь относительный детерминизм, и он делает возможным наличие выбора. Будущее остается невычислимым на основе настоящего, даже несмотря на то, что на уровне отдельных событий, оно им определяется.²⁰

Все сказанное, однако не отвечает на вопрос о том, что определяет принятие решений.

Процессы мышления происходящие на бессознательном уровне имеют место. Мышление функционирует даже в отсутствии осознания течения мыслительного процесса. Даже без участия сознания конструкции из переплетения систем понятий могут взаимодействовать и перестраиваться, рождая новые, порой существенно отличные от первоначальных. Сочетание же этих конструкций и соотнесение их с известными фактами, путем объединения и обобщения, приводит к объяснению и пониманию. Этот момент сочетания таких конструкций и является рождением идеи — озарением. Именно в этом процессе заключается интуиция.²¹

Источник активности сознания не в организме человека самом по себе, а в преобразовании мира человеком. Практика первична по отношению к мысли. Это положение может показаться нелогичным, ведь очевидно, что человек сначала ставит цель, составляет план, а потом уже действует. И действительно, в каждом конкретном акте деятельности человека мысль предшествует действию. Но в общеисторическом масштабе все наоборот, материальная

деятельность возникнув до деятельности мысленной, творческой, вызвала последнюю к жизни.²²

Чем это можно подтвердить? На сегодняшний день палеоантропологией и археологией доказано, что между изготовлением первых орудий и возникновением сложного мышления прошло около миллиона лет. Если первые орудия начали изготавливать еще хабилисы, то зачатки сложного мышления и языка обнаруживаются лишь у архантропов. Это видно как по структуре их мозга, так и по особенностям создаваемых ими орудий, вид которых стал зависеть не столько от стечения обстоятельств, сколько от действий производителя. Еще около полутора миллионов лет прошло до появления неантропов, у которых обнаруживаются признаки использования изготавливаемых орудий для удовлетворения потребностей, не являющихся непосредственно биологическими.²³

Что заставило наших предков менять свою деятельность, изобретать новые ее виды? Меняющаяся среда. По данным палеоклиматологии около 8 млн. лет назад климат на планете стал меняться. Леса уступили место саваннам. Человекообразные обезьяны вынуждены были приспосабливаться к жизни на открытых пространствах.²⁴ Это потребовало новых типов деятельности, которая в итоге закрепилась. Закрепляясь эти типы деятельности развивались. В ходе такого развития из них вытекали новые. В результате этого процесса, изменялся мозг, формируя «аппаратную» основу для реализации новых возможностей. В какой-то момент «количество перешло в качество» и из зачатков разума возник разум.²⁵ Этот момент был, конечно, не моментом — граница между зачатками разума и разумом, очевидно, условна. Но такое представление, если воспринимать его, как отражение процесса в «бесконечно малый интервал времени» (аналогия с дифференциальным исчислением; более точно, конечно, не бесконечно малый интервал, а тот, который необходим для смены достаточного количества поколений для закрепления нового признака), достоверно отражает ситуацию.

То что деятельность формирует мышление прямо подтверждается эпигенетикой. Эпигеном является совокупностью биохимических маркеров, которые определяют, какие фрагменты генома активируются, а какие нет. И эти маркеры — эпигенетические переключатели — реагируют на внешние воздействия. Условия в утробе матери, воспитание, стресс, образ жизни, впечатления — все это способно существенно менять биохимию клеток. Изменение образа жизни становится отправной точкой для начала биохимических изменений, которые сказываются на активации или дезактивации определенных генов. Таким образом, влияя не только на жизнь носителя, но и на жизнь его потомков, у которых активность или неактивность

определенных генов проявляется с самого начала жизни. Эпигенетические механизмы, как раз и приводят к формированию и закреплению элементов разума, в итоге складывающихся в сам разум.²⁶

Все сказанное подтверждается еще одним интересным фактом. Существует метод лечения некоторых болезней, например тяжелых форм эпилепсии, заключающийся в разделении полушарий мозга, рассечением мозолистого тела. Проводились эксперименты с такими людьми, показавшие, что подопытные демонстрируют признаки разделения сознания на два отдельных. То есть каждое полушарие словно становилось носителем отдельной индивидуальности. При этом, отмечалось, что речь — как воспроизведение, так и восприятие — располагается в левом полушарии. Это стало причиной появления позиции, согласно которой, носителем сознания является только левое полушарие, а правое просто автомат. Дальнейшие эксперименты показали, что понимают речь все-таки оба полушария, хотя после операции по разделению, речью обладает только левое. Но что примечательно, через некоторое время правое полушарие также научилось воспроизводить речь. Это были два отдельных сознания — их желания и пристрастия были различны, но не это в данном случае важно.²⁷ Важно то, что отдельное полушарие сумело адаптироваться и воссоздать у себя способности, которых изначально была лишена. Это говорит о том, что организм, включая мозг, действительно способен перестраиваться, перепрограммировать свои структуры под действием внешних условий.

Сознание есть образ действительности, мира, отражающийся в мышлении и выражающийся в деятельности. Мышление — выражение не только нервных процессов, но и социальных.²⁸ Проще говоря, рассматривая человека в вакууме, бессмысленно рассчитывать понять мышление и поведение человека не в вакууме. Для того, чтобы понять мышление и поведение человека не в вакууме, необходимо и рассматривать его не в вакууме, т.е. необходимо рассматривать его во взаимодействии с миром, с обществом, причем понимая их взаимодействие не как обособленных объектов, а как единой системы.

Практика является ключом к разуму. И именно в практике может быть проявлена свобода.

Вечное сияние практического разума

Возникновение разума являлось следствием преобразования человеческой деятельности. Практика определила возникновение мышления. Но как уже было отмечено, отдельные акты действия определяются предшествующей мыслью. Чем же определяется эта мысль? Нуждами, потребностями, интересами, одним словом — императивами. Одни из них имеют

биологическую основу (потребности в пище, сне и т.д.). Другие социальную, культурную. При этом, последние могут обуздывать первые.²⁹

К культурным императивам относятся и этические нормы. Они выражают интересы общества. Те действия, которые совпадают с интересами общества являются добром. Те, которые идут вразрез с ними — злом.³⁰ Эти нормы формируют ценности человека, становятся для него важнейшими стимулами поведения.³¹ Хотя очевидно, что частные нормы этики могут различаться в зависимости от социально-экономических отношений в обществе, можно попытаться выделить нечто универсальное, что отражало бы в интересах общества интересы индивида. И здесь сразу бросается в глаза, так называемое, золотое правило этики.

Золотым правилом этики является принцип «Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Или в более развернутом виде «Не делай другим того, чего не желаешь себе, и поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Это правило, в той или иной форме, встречается во многих культурах с незапамятных времен.³² Оно указывает, что достичь гармонии в обществе можно, если ни один из его членов не будет совершать поступков, которые навредят другому, и в свою очередь, будет совершать действия, приносящие другим благо.

Однако, как заметил Иммануил Кант, это правило само по себе базируется на эгоизме, поскольку предполагает ориентиром индивида («как хочешь, чтобы относились к тебе»). Он же предложил более этическое, на его взгляд, правило «Относись к другому как к цели и никогда как к средству».³³ Такая формулировка, однако, сама по себе, будучи способной стать нравственным ориентиром, просто игнорирует интересы самого индивида. Но поскольку у человека есть потребности, игнорировать порывы, имеющие эгоистичный характер, не получится. Не получится игнорировать потребность человека есть, настаивая, чтобы он кормил других. Не получится игнорировать потребность человека спать, настаивая, чтобы он неустанно работал на благо общества и т.д. В условиях, когда нет возможности соблюсти определенное правило этики без ущерба для себя, абсурдно надеяться на то, что его будут соблюдать все и всегда. Самоотверженные индивиды, конечно, существуют, но простое увещание о необходимости самоотверженности не способно сделать таковыми всех без исключения. Само по себе оно неэффективно. Таким образом, правило предложенное Кантом, как таковое, не способно дать преимуществ в деле налаживания гармонии в обществе, по сравнению с золотым правилом, будучи взятым в качестве главного принципа.

Однако сам факт того, что была обнаружена необходимость выработки принципа, отличного от золотого правила, который бы фокусировался не на

эгоистических началах, а на альтруистических, говорит о важности данного качества для социума.³⁴

Эта необходимость возникала из предположения, что интересы общества и индивида не совпадают, что индивиду было бы удобнее действовать в своих интересах в ущерб обществу, а не наоборот. Выработка и обоснование этических норм, как раз и базировалась на том, чтобы показать, что их игнорирование пагубно для людей, что если кто-то станет вести себя сугубо эгоистически, то и другие эгоистически настроенные индивиды пострадают. А потому разумнее соблюдать компромисс между интересами общества и индивида, который возможен только если альтруистические ценности ставятся выше эгоистических.

Все эти увещания о необходимости ставить общественное благо выше своего содержат в себе одну каверзную деталь. Все они были направлены на то, чтобы утверждать в качестве высшего блага благо не общества, а власти, правящих классов. Благо же общества обеспечивалось ровно в той мере, которая была необходима для удержания власти в руках нынешних правителей. То что нужно именно правящим классам преподносилось как необходимое обществу как таковому. Иными словами, подобные моральные увещания позволяли подогнать нравственную базу под действия, которые противоречили интересам не только отдельного представителя общества, но общества в целом, а выигрыш от которого получали только власть имущие.

Потому были попытки выстроить этику на основании отрицания антагонизма между альтруизмом и эгоизмом, потому как человек всегда руководствуется своим стремлением к удовлетворению. Если человек поступает эгоистически — значит он ищет удовлетворения своих личных потребностей. Если альтруистически — значит для него невыносимо поведение, из-за которого другим будет нанесен ущерб, и лишь в заботе о других он находит удовлетворение. Таким образом была сделана попытка показать, что разница между эгоизмом и альтруизмом иллюзорна, что эти понятия вообще не имеют смысла в отношении мотивов человеческого поведения. Весьма примечательно, что она также строилась вокруг золотого правила.³⁵

Как ни крути, но золотое правило неизменно оставалось путеводной нитью для разума, ищущего ориентир в своей практической деятельности.

Вариативность свободы

Как соотносятся этика и понятие свободы? Обретение свободы для всех и каждого возможно только в ходе реализации такого этического подхода, который обеспечит полное удовлетворение потребностей людей, без необходимости одних ущемлять других. Соответственно, если мы пытаемся

реализовать определенное правило этики, которое предполагаем универсальным, необходимо увидеть как его применение соотносится с характеристикой свободы.

Существует известный принцип, который применяет золотое правило к понятию свободы — «свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека».

Существует немало критики в отношении этого принципа. Наиболее обстоятельная ее часть исходит от марксистов. Они указывают на то, что этот принцип отражает либеральную точку зрения на свободу.³⁶ А значит, следование ему ведет к усилению института частной собственности, который приводит к перераспределению богатств, производимых обществом, в пользу узкой группы привилегированных, которым просто повезло больше, либо они оказались более проворны и коварны.³⁷ Указывается, что этот принцип не выходит за рамки эгоистичных интересов человека, что для развитого общества совершенно не приемлемо.³⁸

Рассмотрение этой критики представляется крайне важным. В конце концов, определение свободы, которое было дано вначале, это лишь дефиниция, а не последовательное выведение понятия, а значит необходимо узнать насколько она обоснована.

Часто указывают, что не бывает свободы вообще. Есть только свобода от чего-то и свобода для чего-то. В таком контексте, свобода, о которой идет речь в указанном выше принципе, это свобода «от», характеризующая эгоистичные стремления человека (от угнетения, от голода, от переутомления и т.д.), его стремление избавиться от давления общества. А поскольку развитие личности возможно только при условии широкого производства благ, которое невозможно вне общества, данный принцип не подходит в качестве руководящего, для построения гармонии в социуме.

Подлинной же свободой в таком контексте может быть только свобода «для», характеризующая созидательные позитивные стремления человека (для работы на благо, для творчества и т.д.). Порой указывают, что в случае обретения человеком такой свободы, он остается свободен и в условиях чужого контроля, в условиях отсутствия возможности полноценно удовлетворять свои потребности. Часто это характеризуют как «внутреннюю свободу».³⁹ Однако, если бы такая «свобода» была содержательной, действительной, то свободу обретали бы все люди без всяких проблем. И не оставалось бы места для недовольства жизнью. Не говоря уже о том, что в случае серьезного восприятия подобной свободы, нет никаких причин искать позитивных социальных преобразований и бороться с угнетением, ведь ты и так уже «свободен»

внутренне. Социальные преобразования и борьба с несправедливостью, однако, являются для марксистов ключевыми.

Это противоречие некоторые из них пытаются разрешить, заявляя, что такая свобода, будучи «свободой для», является свободой не для себя, а для человечества, для его развития.⁴⁰ Угнетение же, осуществляемое правящими классами, претворению действий для такого развития мешает, и именно поэтому необходимо бороться с системой. Но в такой интерпретации свобода уже перестает быть «внутренней», ибо она оказывается воплощением устремлений, направленных «во вне». Однако «во вне» ее использовать оказывается невозможно, поскольку система этому препятствует. Но препятствование, означает посягательство на свободу, ее отъем. А значит противник системы уже несвободен, и его борьба оказывается направленной как раз на обретение этой самой свободы. Если же он при этом утверждает, что он свободен поскольку «познал необходимость борьбы», то мы снова возвращаемся к внутреннему ощущению свободы. Но ощущение чего-то, еще не есть наличие этого самого чего-то. Подобные попытки подогнать понимание «внутренней свободы» под воплощение реальных действий в мире, где свободу подавляют, в конечном итоге, приводят к неоднозначности, а то и потере всякой содержательности понятия свободы. Если же утверждать, что противник системы сам обрел свободу, и просто стремится помочь обрести такую же свободу другим, то здесь также обнаруживается непоследовательность, поскольку, раз он обрел ее будучи в системе угнетения, значит и другие могут ее обрести в ней. И усилия свои ему стоит направить на то, чтобы показать им как «внутренне освободиться», а не как избавиться от системы угнетения.

Как не крути, но либо есть стремление к действительной свободе, которое и подвигает на социальную борьбу, или есть «внутренняя свобода», которая в такой борьбе не нуждается. «Внутреннюю свободу» сложно охарактеризовать иначе как психотерапевтический онанизм, позволяющий найти своеобразное утешение в несовершенном мире и бесплодной борьбе.

Подлинной свободы «для» не может быть без свободы «от». Свобода без комфорта не действительна.

Тут необходимо разобраться с марксистским определением свободы, как осознанной необходимости, поскольку именно из него пытаются вывести трактовку «внутренней свободы», ориентированную на преобразование действительности, а не своего отношения к ней, каковая была разобрана выше.

Нередко критики марксизма указывают, что даваемое им определение свободы не оставляет людям, собственно, никакой свободы, поскольку представляет ее как осознание неизбежности чего-либо. На самом деле, в самом марксизме хоть и находились течения, которые выводили из этого определения

отсутствие выбора у людей, но в целом марксистское теоретическое наследие такого не утверждает. Оно утверждает, что во-первых, для того, чтобы быть свободным человек должен познать необходимость, в роли которой могут выступать, как законы природы, так и ограниченность ресурсов и материально-технических средств, а также социальных установок. Во-вторых, человек свободен только тогда, когда ставит перед собой цели по преобразованию мира и успешно их реализует. То есть, свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании их и возможности, с помощью этого знания, использовать эти законы в своих целях. При этом, свобода основана не только на знании необходимости, но и на наличии в распоряжении человека материальных средств, с помощью которых он и может производить преобразования мира. Без этих средств, никакое знание необходимости не делает человека свободным.⁴¹

Данные рассуждения никак не раскрывают места человека в обществе и того как оно соотносится со свободой. Хотя в них и можно усмотреть наличие средств и знаний, как наличие возможности выбора. Можно усмотреть и влияние на человека со стороны внешних факторов — других людей, у которых больше ресурсов чем у него (правлящие классы), и они могут его угнетать. Но если другие этого делать не будут, то он останется свободен. В общем, их можно подогнать под реализацию золотого правила в отношении свободы. Они никак не показывают его несостоятельности и концептуально его никак не дополняют. Точно также не показывают они состоятельности представления «внутренней свободы», как двигателя общественных преобразований. Как раз наоборот, подчеркивая ведущую роль наличия у человека материальных средств для преобразования мира, они показывают несостоятельность приложения к социальным преобразованиям концепции «внутренней свободы».

Иные марксисты пытались идти дальше и выводили свободу из диалога равных индивидов, способствующего прогрессу. Своеобразие личности каждого оказывается востребовано объективными социально-экономическими отношениями, способствующими не унификации индивидов, а такому развитию их своеобразия, которое инициирует их диалог и совместное творчество, а не конфликт и взаимное отчуждение.⁴² В этом и обретается свобода.

Подобные построения выглядят как характеристика вида общества без угнетения, но они не учитывают того, как одна личность будет защищена от пороков другой, изувеченной жизнью в классовом обществе. Ведь в обществе без угнетения личность приходит из общества с угнетением.

Таким образом, при всей критике «либерального» принципа свободы, марксисты не смогли предложить ничего действительно viable ему на

замену. Стоит заметить, что поскольку речь идет о принципе, реализация которого сама по себе налаживает гармонию в обществе, приходится признать, что его реализация в рамках капитализма, главенствующей идеологией которого является как раз либерализм, не смогла устроить всеобщей гармонии.⁴³ Значит, либо марксисты правы в том, что этот принцип не состоятелен, либо все дело в том, что он вовсе не реализуется. То есть, он сам по себе не является воплощением либеральной идеологии.

В самом деле, согласно концепции либерализма, люди рождаются равными в правах, а дальше конкурируют на рынке. И побеждает тот, у кого больше способностей, а значит такое социальное устройство наиболее справедливо. Как верно указывали марксисты, нигде при капитализме — в рамках рыночной экономики — дела не обстоят в соответствии с этой концепцией, поскольку в условиях финансового и имущественного неравенства, люди априори рождаются неравными.

Сторонники либерализма порой пытаются объяснить имеющиеся при капитализме социальные проблемы, вмешательством государства в рынок. Якобы именно оно мешает естественной саморегуляции общества, приводящей к справедливому распределению благ. Такая позиция основывается на утверждении, что рынок сам по себе способен настроиться на наиболее оптимальное для всех членов общества состояние, в котором каждый будет вознагражден в соответствии со своими способностями и объемами труда. Однако, как показывает практика, когда механизмы рынка оказываются предоставленными сами себе, это приводит к формированию финансовых пузырей, которые рано или поздно лопаются, обрушивая экономику. Причем всегда такие кризисы преодолеваются за счет государственных механизмов, а отнюдь не рыночных, — государства вливают деньги налогоплательщиков в обанкротившиеся корпорации и банки. Также отсутствие регулирования приводит к формированию на рынке монополистов, которые препятствуют вхождению на рынок новых участников. Тем самым, ключевая идея либерализма о конкуренции как двигателе прогресса теряет возможность реализовываться. Таким образом, представления сторонников «свободного рынка» о том, что он способен сам себя поддерживать, не соответствует действительности.

В связи с этим, получила распространение концепция, так называемого, неолиберализма, согласно которой, люди как раз рождаются неравными, и это наиболее естественное устройство общества, а справедливость недостижима, и соответственно, значения не имеет.

Капитализм базируется на эксплуатации одних людей другими, — стоимость, производимая большей частью общества, перераспределяется в

пользу меньшей части, в производстве не участвующей.⁴⁴ Это меньшинство прилагает различные усилия, для сохранения своего положения. Например, развивает карательный аппарат, подавляющий несогласных из большинства силовыми методами, вырабатывает процедуры перехода власти, с таким расчетом, чтобы они оставались у представителей определенных социальных кругов, раскручивает инструменты пропаганды, убеждающие большинство, что существующее состояние общества если уж не самое лучшее, то по крайней мере, лучшее из возможного. Но раз все это имеет место, значит ни о какой реализации указанного выше принципа говорить не приходится. Ведь одни люди отнимают свободу у других.

Таким образом, концепция либерализма оказывается не согласующейся с реальностью, а неолиберализм не реализует «либеральный» принцип свободы и не преследует такой цели.⁴⁵ Соответственно, верить этому принципу в вину нынешнее состояние человечества безосновательно. Если этот принцип отражает не сугубо либеральный идеал, то что? С этим вопросом необходимо разобраться.

Этот принцип отражает желание человека не быть подверженным угнетению со стороны других. Угнетение может проявляться прямо — через эксплуатацию, или опосредованно, через отчуждение. Эксплуатация выражается в присвоении одной части общества плодов труда других. Отчуждение в невозможности реализовывать свое творческое начало, а главное делать выбор.

Эксплуатацию испытывают на себе представители социальных классов, составляющих большинство населения планеты. Во-первых, рабочие — те, кто трудится на производстве, а также в сферах обслуживающих производства продуктов и энергетике. К ним относятся полупролетарии — те у кого есть некоторая собственность (например квартира или дом), но не позволяющая им получать с нее доход. А также пролетарии — те, кто вообще лишен какой-либо собственности, и для кого увольнение означает немедленный риск голода. Во-вторых, интеллигенция — ученые, совершающие открытия, влияющие на процесс производства, учителя, готовящие кадры для работы и т.д. В-третьих, те представители мелкой и даже средней буржуазии, которые по тем или иным причинам (например недостаточностью для поддержания определенного образа жизни дохода с капитала), оказываются также заняты в производстве, а кроме того испытывают давление со стороны крупного капитала.

Все они также испытывают отчуждение, поскольку находятся в зависимости от тех, кто стоит выше них по социальному положению. А также поскольку их труд часто вынужденный, обусловленный необходимостью заработка, для поддержания жизни, а не творческая деятельность ради

самореализации и блага человечества. Принуждение к труду и присвоение его результатов другими противопоставляет собственные общественные связи людей как чуждые им.⁴⁶

Отчуждение испытывают также представители буржуазии, в том числе крупной, поскольку ничто в их существовании не определяет содержательную цель. Они оказываются погружены в процесс удовлетворения все новых неумных потребностей, а не в процесс самореализации и работы на благо цивилизации. Они оказываются погружены в мир, диктующий им определенное поведение, отступить от которого они имеют немногим больше возможностей, чем угнетенные классы от своего. Они оказываются заложниками своего капитала, собственности, статуса которые им необходимо обслуживать.⁴⁷

В конечном счете, в классовом обществе каждый человек не вполне свободен в выборе своих социальных связей. В личности сочетается как способность к свободным действиям, так и подчинение общественной необходимости.

Отчуждение неизбежно обособляет человека от общества, в независимости от принадлежности к социальному классу. Заставляет его замыкаться на своих личных ценностях, своем мирке. В тоже время, жизнь в классовом обществе постоянно требует от него метаться между этими интересами и интересами того абстрактного «общества», которое он видит как довлеющую силу. Связи между своей деятельностью и распределением ее плодов между слоями общества он не видит. Эта связь затуманена сложностью системы производственных отношений. Будучи зажат общественными нормами и необходимостью участвовать в работе, от результата которой он отчужден, он находит утешение лишь в своем мирке — семье, интересах, не мешающих системе, простых удовольствиях. Все чего он хочет, чтобы это абстрактное «общество», в лице власти, банкиров, других индивидов, не требовало от него большего, не давило его, — он и так отдает ему много.

Это и отражает принцип, прилагающий золотое правило к свободе. И освобождение видится именно в его полноценной реализации — полном устранении давления общества на индивида. То есть прихода к таким социально-экономическим отношениям, в которых, как уже отмечалось выше, своеобразие личности было бы объективно востребовано и способствовало бы развитию и взаимному творчеству индивидов.

Конфайнмент мещанства

Как уже было показано, жизнь в классовом обществе формирует у столь разных социальных категорий, социальных классов, схожие ценности. Семья, благополучие. Соответственно, по этому признаку, их можно объединить в одну категорию, которая именуется одним словом — мещанство.

Таким образом, мещанство оказывается надклассовой категорией. Его ценности оказываются надклассовыми. То есть, в современном мире эти ценности без всякой натяжки можно назвать общечеловеческими. Весьма иронично, что некоторые марксисты высмеивая идею общечеловеческих ценностей⁴⁸ — на основании того, что общество разделено на классы, и интересы этих классов антагонистичны — сами указывают на то, что угнетающие психологически такие же мещане, как и угнетенные.⁴⁹

Сосредоточенный на собственном мирке, выстраивающий свои ценности вокруг личных интересов, мещанин сторонится перемен. Любые попытки системы сильнее надавить на него лишь усиливают эту концентрацию на личном, заставляют лишь сильнее цепляться за то, что дорого. Все что может способствовать потере связи с самым важным — семьей, благополучием — лишь сильнее заставляет к этому привязываться. Посягательство на личное провоцирует неприятие и способствует усилению осознания необходимости крепче держаться за личное, осознания важности простых человеческих ценностей.

Поскольку перемены могут касаться не только усиления угнетения, но вообще изменения образа жизни, существует позиция, согласно которой именно мещанство является главным препятствием для социального освобождения.⁵⁰ И для переустройства общества мещанство необходимо устранить.⁵¹

Такая позиция не учитывает, что силовое посягательство на мещанские ценности, на быт, на то, что для человека дороже всего, лишь сильнее заставляет человека замыкаться на своих интересах. Такое «освобождение» он видит как очередную внешнюю довлеющую силу. Но если она также угнетает его как и старое классовое общество, то чем же оно лучше? В итоге человек снова замыкается, концентрируется на своем мирке. Человек стремится убежать от проблем, а не решать их. А если удастся занять привилегированное положение, начинает использовать его для обеспечения гарантий сохранения своего жизненного уклада, благополучия своей семьи. Марксисты сами это подчеркивают, анализируя исходы революций.⁵²

Бессмысленно грезить освобождением людей, отстраняясь от их интересов. Такое отстранение наталкивается только на неприятие преобразований.

В физике элементарных частиц существует понятие конфайнмента. Частицы адроны (к которым относятся протоны и нейтроны, составляющее атомное ядро), а также мезоны, состоят из кварков, которые удерживаются вместе посредством глюонов — переносчиков сильного ядерного взаимодействия. Было обнаружено, что при попытках разорвать адрон, это оказывается невозможно, т.к. сила взаимодействия глюонов лишь растет по мере приложения все больших усилий, все большей энергии. Иными словами, энергия, направленная на разрыв, в итоге идет на усиление сцепления. По мере удаления кварков друг от друга сила возрастает так, что для дальнейшего удаления, подводимой энергии необходимо все больше и больше, пока ее не станет настолько много, что хватит для рождения нового адрона или мезона.⁵³ Также и мещанство лишь укрепляется попытками поставить его под угрозу.

Ограничения эффективности формализма

Общество до сих пор регулировалось нормами права. Эти нормы являются формальными, они не учитывают всей многогранности человеческого бытия и поведения. Для правящих классов, это была удобная ситуация, поскольку формальные нормы можно было подгонять по своему усмотрению для беспрепятственного подавления низов и, напротив, оправдания себя. Для низов же, напротив, ситуация складывалась скверная. На протяжении всей истории предпринимались попытки найти такую систему прав, которая бы исключала несправедливость. Но этого не удавалось. Почему же найти универсальный, справедливый набор законов оказалось неразрешимой проблемой?

Как уже было показано выше, человеческий разум не исчерпывается формальными схемами. Механизмы мышления, такие как интуиция, озарение, содержательная логика невозможно описать никаким алгоритмом.

То, что мышление нельзя описать сугубо алгоритмически, т.е. подогнать под формальные схемы, наглядно демонстрирует теорема Геделя. В общем виде эта теорема говорит, что в любой математической, и шире формальной, теории существуют результаты, являющиеся истинными, но их истинность нельзя доказать в рамках этой теории, как нельзя в ней же доказать ее непротиворечивость. Независимо от того, насколько универсальным мы находим какой-то подход, всегда найдутся утверждения, которые не попадают в сферу его действия. Таким образом становится невозможно составить алгоритм, формально-логическую систему, которая бы смогла объяснить все возникающие в ней положения. В то же время, человек способен определить истинность или ложность этих самых положений, они могут казаться «самоочевидными».⁵⁴ Таким образом, получается, что сознание не может функционировать сугубо алгоритмически. В нем имеется неалгоритмическая составляющая.⁵⁵

Невычислимость некоторых процессов сознания нельзя найти в нейронной активности мозга.⁵⁶ Как уже было показано, оно исходит из социальных процессов. Разум обретается в практике.

Из всего сказанного вытекает крайне важный вывод. Раз мышление человека, в своей основе, неалгоритмично, и его нельзя свести к формальным схемам, нельзя полностью формализовать, значит и, как минимум, некоторые аспекты его поведения не поддаются формализации. А значит, попытка достичь гармонии в обществе с помощью формалистского подхода, например, прописывания жестких законов, предполагающих следование безотносительно к ситуации и чему-либо еще, обречены на провал.

Теорема Геделя показала, что в рамках любой формальной математической системы всегда есть положения, которые нельзя на ее основе доказать. В то же время человек способен увидеть состоятельность или несостоятельность этих положений. В жизни общества есть аспекты, которые также не выходит трактовать в рамках формальных схем. Когда человек убивает растлителя, или отбирает у богача богатства, которые тот нажил на обдирании угнетенных, — он совершает преступление по нормам формальных законов. В то же время, люди понимают, что он поступает справедливо, и никакого действительного преступления за ним нет. Все попытки учесть подобное в рамках законов терпели неудачу.

Отчасти это объясняется стремлением правящих классов сохранить за собой исключительное право на правосудие. Они сознательно препятствовали внедрению более гибких и человеческих законов. Но этим фактом не исчерпывается провальность попыток построить свод законов, действительно способный обеспечить справедливость в полном объеме.

Таким образом, попытки наладить гармонию в обществе за счет составления каких-либо формальных норм права, которые якобы, были бы ориентированы на всех членов общества, а не на привилегированную группу, бесперспективны. Необходимо, чтобы само бытие, сами социально-экономические отношения способствовали установлению гармонии в обществе, без каких-либо довлеющих над человеком норм, принуждающих его к определенному поведению.

Перспективы социального освобождения

Учитывая все вышесказанное, можно постараться очертить перспективы социального освобождения. На сегодняшний день существует несколько позиций по вопросу того, как должно осуществляться освобождение.

Первый, это реформистский путь. Он предполагает проведение реформ с помощью социальных институтов существующей системы. В конечном итоге,

эти реформы преобразуют общество настолько, что от изначальной системы не остается ничего. В качестве подтверждения действенности своего подхода, его сторонники указывают на множество позитивных сдвигов в обществах, где реформы применялись — сокращение рабочего дня, введение бесплатного образования и медицины, устранение национального и полового неравенства и т.д.

Критики такого подхода находят его заведомо тупиковым, поскольку институты, функционирующие в рамках системы, создавались для ее защиты и сохранения, а не устранения. Победить систему, играя по навязанным ею же правилам, не получится. В качестве подтверждений своей правоты, они указывают на многочисленные примеры того, что чрезмерная эксплуатация вовсе не устраняется в обществах, реализующих реформы, а переносится из них на общества, этим реформам не подверженные. Например корпорации стран «первого мира» переносят свои производства в страны «третьего мира», где нет законодательных запретов на переработки, плохие условия труда, и где низкая заработная плата.⁵⁷ Отмечается также, что везде, где проводились такие реформы, они проходили под влиянием жесткой борьбы низов за свои права, отнюдь не всегда проходившей в рамках принятых законов.⁵⁸ Кроме того, после того, как угроза такой борьбы исчезает, «развитые» общества (точнее их власти) быстро отказываются от принятых реформ и начинают возвращать увеличенный рабочий день, снижать зарплату, отменять социальные гарантии.⁵⁹

Второй путь — революционный. Он предполагает силовой захват власти, и реализацию новых норм, направленных на интересы дотопе угнетенного большинства. В качестве подтверждения эффективности такого подхода, его сторонники указывают на то, что самые заметные и масштабные социальные преобразования, повлекшие улучшение положения угнетенных, происходили именно в результате революций. Например, в результате революции 1917 года в России, был введен восьмичасовой рабочий день, бесплатное образование и медицина, улучшение условий труда, за чем последовал мощный индустриальный рывок. А видя пример того, что могут сделать угнетенные, если их слишком сильно и долго давить, другие капиталистические государства и начали проводить реформы, улучшающие положение низов.

Однако нельзя не заметить, что такой подход так нигде и не привел к полноценному социальному освобождению. В ходе каждой революции раньше или позже власть захватывали те, кто свои личные интересы ставил выше общих интересов, и эксплуатация снова разворачивалась, порой с огромными жертвами. Нередко это в конечном итоге, приводило к полной реставрации капиталистических отношений. Например, после той же революции 1917 года, последовало вырождение партии, утвердившей свое привилегированное

положение над другими членами общества, и отчуждение рабочего от распределения прибавочного продукта. Кроме того, вылилось это в страшные репрессии, обернувшиеся огромнейшими жертвами. И закончилось реставрацией капитализма.⁶⁰

Некоторые сторонники революционного подхода возражают, указывая, что сейчас у них есть исторический опыт, которого не было у прежних революционеров, и они могут учесть их ошибки, благодаря чему оказываются способны добиться успеха в своем деле. При этом, те же самые люди, когда то же самое говорят сторонники реформ, — что неудачи их предшественников были вызваны некоторыми ошибками, которые они сейчас могут учесть — заявляют, что подход реформистов неверен концептуально, и никакое «исправление ошибок» не поможет. Но ведь и революционный подход концептуально не учитывает стремлений и чаяний обычного человека, мещанина. Концептуально не учитывает порочности, вызванной негативным опытом жизни в угнетении, и тех последствий, к которым она приводит, когда власть переходит к нему. Он просто указывает, что мещанские ценности и мещанский быт должны быть «сметены». Неудивительно, что такая позиция, полностью обесценивающая интересы обычных людей, которых революционеры и собираются освободить, редко находит понимание в массах. Предложения способов нейтрализации негативных последствий инерции мещанства в новой социально-экономической системе сыплются при каждой революции, но нигде так и не удалось добиться нужного эффекта.

Революция сама по себе не несет переустройства общества на базе новых социально-экономических отношений, их необходимо целенаправленно внедрять. А институты старого мира, вокруг которых выстроены уже сложившиеся отношения, не способствуют такому внедрению. Кроме того, мышление индивидов, выработанное в рамках старого мира, активно сопротивляется новым установкам, чему способствует отсутствие налаженных новых производственных отношений. Новые отношения не ввести без сознательного внедрения, а сознательное внедрение не разработаешь в условиях наличия старых отношений.

На это сторонники революции возражают, указывая, что во всех предыдущих революциях удавалось сменить власть лишь в отдельном конкретном месте, в отдельно взятой стране. А эта страна, даже если в ней удавалось успешно осуществить перестройку производственных отношений, оказывалась вынужденной встраиваться в мировую экономику, тем самым культивируя у себя зерна старых отношений. Соответственно, если произвести революцию в мировом масштабе, данная проблема не возникнет, и новые

социально-экономические отношения будут прочно установлены, а зерна старых полностью нейтрализованы.

Причина сохранения зерен старых производственных отношений, конечно, не только во включении в мировую экономику. Поэтому сама по себе революция в мировом масштабе не дает гарантий их нейтрализации. Но даже если бы это было так, ее сложно рассматривать как решение.

Время от времени появляются труды, в которых разные теоретики пытаются предложить стратегии организации такой мировой революции. Однако, как бы складно не звучала теория, на практике эта задача представляется настолько сложной, что ее уверенно можно считать не реализуемой.

В качестве подтверждения этого вывода, можно указать на то, что даже революции в отдельных странах крайне редко оказываются успешными, поскольку правящие классы всегда располагают большими возможностями и ресурсами. Угнетенные побеждают только при действительно уникальных условиях, какие были, например, в России в 1917 году. И даже эти «успешные» революции, в конечном итоге вырождались, — на долгой дистанции, они все равно терпели неудачу.⁶¹ Большинство же революций топятся в крови. Именно поэтому угнетенное большинство так редко на них идет.⁶² Каждый старается поудобнее устроиться в существующей системе, надеется поудобнее устроиться, потому что альтернатива — страдание и смерть — совершенно непривлекательна. Страдания вызванные жизнью в угнетении очень часто меркнут по сравнению с тем, что ждет угнетенного, если он пойдет против системы. Слова о том, что пролетариям нечего терять в борьбе, кроме своих цепей,⁶³ лишь красивая фраза. Во-первых, далеко не все угнетенные пролетарии, т.е. те, кто лишен всякой собственности и кому в случае увольнения грозит немедленный голод. Такое положение пролетария заставило Маркса и Энгельса написать эту знаменитую фразу. Но, ведь во-вторых, даже таким обездоленным, даже во времена Маркса и Энгельса, таки было что терять. Разве у тех пролетариев не было семей? Не было детей, любимых людей? Устройство в системе, каким бы трудным и ненадежным оно не было, дает надежду, что это самое дорогое у тебя не отнимут. Борьба же всегда несет опасность потерять все. Может быть твоя жертва и поможет привести к более справедливому миру. Но ты потеряешь все. Никакие увещания, о том, что без жертвенности, все новые и новые поколения потомков будут стенать под гнетом системы, здесь не помогут. Надежда всегда их загасит. Как загасит она и аргумент о том, что успех в системе отнюдь не гарантирован тому, кто на него надеется. Самоотверженные индивиды существуют, как уже отмечалось, но они никогда не составляют большинство по причинам, разъясненным выше.

Как видно, ни у реформистского, ни у революционного подходов нет настоящего действенных методов. Какие еще могут быть позиции по вопросу социального освобождения?

Существует, например, позиция, утверждающая, что помочь могут новые технологии. Поскольку основой социально-экономических отношений является уровень производительных сил, то предполагается, что достижение определенного уровня само по себе вызовет отказ от старых норм и приведет к освобождению. Новые же технологии способны нейтрализовать те пороки человека, которые были сформированы у него в процессе жизни в системе угнетения.

Эта идея также не нова. Она была высказана еще физиком Элвином Вайнбергом.⁶⁴ Он указывал, что раз человек порочен, это необходимо признать и направить усилия на нейтрализацию последствий этого. Например, вместо того, чтобы увещевать об опасности пьянства и нетрезвого вождения, можно изобрести какую-нибудь таблетку, нейтрализующую действие алкоголя.

Этой же позиции придерживаются и сторонники, так называемого, технокоммунизма. Однако, проблема в том, что технологии не затрагивают структуру общества — они лежат совершенно в другой плоскости человеческой деятельности.

До сих пор никакие достижения техники не сумели сами по себе избавить человека от каких-либо пороков. Когда начали распространяться персональные компьютеры и Интернет, очень многие писали о том, что наступил век свободы информации, теперь никто не может препятствовать распространению знания, и государства не смогут навязывать свою пропаганду. Однако вскоре оказалось, что Интернет сам по себе вовсе не способствует построению равноправных отношений в передаче информации, большинство проектов в нем коммерциализовались. Также и государства успешно стали использовать Интернет для пропаганды. Они же развили с помощью него институт слежки до таких масштабов, о котором правители прошлого могли лишь мечтать. Технические достижения лишь инструменты, которые сами по себе не меняют социально-экономических основ общества.

Еще один подход заключается в том, что должна произойти революция, не социальная, сопровождаемая переходом власти, а революция сознания. Только изменив мышление человека, можно рассчитывать на построение другого общества. В противном случае, пресловутые человеческие пороки, цепляние разума за старые привычки, выработанные в системе угнетения, неизбежно приведут к реставрации такой системы. Именно такой подход отстаивал, упоминавшийся Мистер Фримен, заявляя, что революция бывает только одна — революция сознания.⁶⁵

Критики такого подхода указывают на то, что бытие определяет восприятие. Общественные отношения определяются не только сознанием людей. В обществе есть такие социальные связи, которые существуют не только независимо от мышления людей, но и определяют его.⁶⁶ А потому бессмысленно рассчитывать на «перестройку сознания» индивидов, находящихся в условиях социально-экономических отношений, которые вырабатывают определенное поведение, вынуждают строить свою жизнь определенным образом. Иными словами, бесперспективно рассчитывать на «перестройку сознания» в условиях, которые беспрерывно порождают схемы мышления, не дающие никаких предпосылок для «перестройки сознания». Концепция «революции сознания», это чистой воды идеализм, бесплодный для преобразования общества.⁶⁷

Есть и подход радикально отличный от всего изложенного выше. Он по сути, не предполагает как такового социального освобождения. Он предполагает освобождение индивидуальное, психологическое. Да, этот подход базируется на той самой концепции «внутренней свободы», которая была разобрана выше. Этот подход пуст, поскольку далеко не каждый человек способен откеститься от необходимости полноценного удовлетворения своих потребностей. Подобный подход, это уход от проблемы, а никак не решение.

Как видно, подходы к вопросу социального освобождения различны, и в каждом есть проблемы, делающие его однозначно неэффективным. Как не сложно догадаться, возникали и попытки объединения рациональных зерен каждого из подходов, дабы их плоды погасили недостатки каждого. Такой синтезированный подход, строго говоря, так или иначе встречается у теоретиков каждого из приведенных типов позиций, с той лишь оговоркой, что каркасом всегда является какой-то один путь. Именно вокруг него выстраивалась общая концепция конкретной стратегии социального освобождения.⁶⁸ Но будучи положенным в основу, каждый конкретный путь неизбежно протаскивает за собой свои проблемы, и их влияние всегда оказывается сильнее влияния элементов других подходов, ввиду чего такой синтез также не приводит к чему-то действительно эффективному.

Что же можно сказать о перспективности существующих известных позиций по тому, как возможно добиться социального освобождения? Реформы бесперспективны, поскольку победить систему, играя по ее же правилам, нельзя. Революция бесперспективна, поскольку успешное взятие власти маловероятно, а в случае успеха, еще менее вероятным представляется полноценное преодоление старых социально-экономических отношений, так как неизбежно остаются их зерна, которые рано или поздно, также неизбежно прорастают. Упование на технологии бесперспективно, поскольку они лишь

инструменты, которые могут быть использованы в разных целях, как в деле освобождения, так и в деле угнетения. Упования на перестройку сознания бесперспективны, поскольку окружающая индивидуумов действительность диктует им строго определенные нормы поведения, которые только и позволяют людям, в той или иной мере, удовлетворять свои потребности, которые они игнорировать не могут. Попытки устранить проблемы определенного подхода, внесением в него рациональных зерен иных, бесперспективны, поскольку проблемы подхода, положенного в основу концептуальны, и потому сохраняются. Попытки равнозначно соединить разные подходы, дабы устранить проблемы всех, бесперспективны, поскольку методы этих подходов взаимоисключающи, а соответственно, на равных основах они в принципе несовместимы.

Как видно, у всех этих подходов не просто есть свои минусы. Все они концептуально ущербны. Все они уже показали свою неэффективность. Следование любому из них заведомо обречено на неудачу. Нужны действительно новые методы. А старое не может быть новым. Какие же возможности существуют? Какие есть перспективы социального освобождения?

Возможность может видится разве что в попытке использовать какие-то слабости правящих классов, чтобы повлечь надлом системы. Эти слабости не могут быть теми, на которые можно было бы воздействовать убеждениями или силовыми методами. Создание практик, способствующих распространению доброты, сострадания и любви, инициирует возникновение условий для взаимовыручки, как единственно возможного вида социального взаимодействия.

- 1 Mr. Freeman, part 48 («Я?») <https://www.youtube.com/watch?v=yQlh2pkKf2Y>
- 2 Это максимально упрощенное представление. Более обстоятельные разъяснения приведены, например, в книге *Павел Бородин* Кошки и гены: Современная генетика в популярном изложении. Изд. 5-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 136 с. (с. 45–59). Также см.: ДНК — не приговор. Удивительная связь между вами и вашими генами / *Стивен Хэйне*; пер. с англ. Д. Романовского; науч. ред. А. Лемза. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 288 с. (с. 17–29)
- 3 Краткое разъяснение механизма естественного отбора см.: *Александр Марков* Эволюция человека. Обезьяны, нейроны и душа. — CORPUS, Издательство «Астрель», 2011 г.
<https://web.archive.org/web/20161127172259/http://scisne.net/a-1366?pg=6#1>
- 4 *Стивен Хэйне* Указ. соч. см. в сноске 2 (с. 30–38, 56–84)
- 5 *W. A. Wagenaar* «Generation of random sequences by human subjects: a critical survey of literature» [http://wexler.free.fr/library/files/wagenaar%20\(1972\)%20generation%20of%20random%20sequences%20by%20human%20subjects.%20a%20critical%20survey%20of%20literature.pdf](http://wexler.free.fr/library/files/wagenaar%20(1972)%20generation%20of%20random%20sequences%20by%20human%20subjects.%20a%20critical%20survey%20of%20literature.pdf)
- 6 *Сэм Харрис* Свобода воли, которой не существует. — Альпина Паблишер. — 60 с. <https://books.google.com/books?id=h7vzCQAAQBAJ>. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / *Крис Фрит*; пер. с англ. П. Петрова. — Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2015. — 335 с. (с. 108–110). *Роджер Пенроуз* Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. Пер. с англ. / Под общ. ред. В. О. Малышенко. Предисл. Г. Г. Малинецкого. Изд. 5-е. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. — 416 с. (с. 374–380). *Benjamin Libet, Curtis A. Gleason, Elwood W. Wright, Dennis K. Pearl* «Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act» <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/6640273/>. *John-Dylan Haynes* «Decoding and predicting intentions» <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21486293/>. *Patrick Haggard* «Decision time for free will» <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21315252/>
- 7 *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20160821184928/http://scisne.net/a-1366?pg=3#15>.
Сэм Харрис Указ. соч. см в сноске 6. *Itzhak Fried, Roy Mukamel, Gabriel Kreiman* «Internally generated preactivation of single neurons in human medial frontal cortex predicts volition» <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21315264/>
- 8 Здесь и далее вопросы мышления и сознания рассматриваются относительно человека, однако, они также применимы и к другим животным. Живые организмы со сложной нервной системой, в

особенности млекопитающие, в своем поведении однозначно демонстрируют мыслительную деятельность. Существует позиция, согласно которой, мышление других животных качественно отлично от человеческого. Иногда говорят, что у них есть лишь условные рефлексы, но нет воли, которая есть только у человека. Такую позицию отстаивает, например, Юрий Семенов, см.: *Юрий Семенов Введение в науку философии*. В 7 книгах. Кн. 1: Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания. Изд. 3-е, суц. перераб. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — 232 с. (с. 69–70). Также см.: *Юрий Семенов Введение в науку философии*. Кн. 2: Вечные проблемы философии: От проблемы источника и природы знания и познания до проблемы императивов человеческого поведения. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. — 344 с. (с. 88–100, 130, 168–169, 174, 263, 317–322). А также см.: *Юрий Семенов Введение в науку философии*. Кн. 3: Марксистский прорыв в философии. Изд. стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 240 с. (с. 109–115). И еще см.: *Юрий Семенов Введение в науку философии*. Кн. 5: Проблема истины. Мышление, воля и мозг. Изд. стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — 232 с. (с. 120–126, 135–136, 140, 147–157). Однако, в такое представление не вписывается целая громада фактов о поведении высших животных, явно выявляющая у них наличие разума. Множество экспериментов, показывающих разумную деятельность у разных животных были произведены Франсом де Ваалом и его коллегами, см.: *Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Франс де Вааль*; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 404 с. Они однозначно показывают, что другие животные способны противостоять импульсивным желаниям, что и характеризует такое качество, как воля. Их результаты нельзя объяснить условно-рефлекторной деятельностью. Семенов в своей работе опирается главным образом, на работы Павлова. Юрий Иванович заявляет, что со времен Павлова, его концепция не обновлялась и не развивалась, а других целостных концепций, объясняющих психику животных нет. На основании чего Семенов сделал такой вывод, проигнорировав множество свежих исследований, непонятно. Можно обратить внимание, что самые свежие труды, указанные им в сссылках, относятся к 70 гг., т.е. ко временам, когда большей части экспериментов по выявлению различных типов поведения, показывающих мышление животных, проведено еще не было, их стали проводить начиная с 90-х гг. Интересно, что в одном из разделов он заявляет, что в поведении животных, как во всяком другом процессе, присутствует не только определенность, но и неопределенность, которую нельзя считать

проявлением воли. При этом до того он находит именно в факте существования неопределенности как таковой источник воли у человека. То есть одно и тоже объяснение одного и того же явления в отношении человека и животных он объявляет разными. Весьма полезные сведения о разуме животных также см.: *Норберт Заксер* Человек в животном. Почему животные так часто походят на нас в своем мышлении, чувствах и поведении [Текст] / пер. с нем. Н. Ф. Штильмарк; под науч. ред. Е. А. Гороховской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 240 с. Стоит заметить, что по замечанию Заксера, у животных, сколь бы много разума они не проявляли, действительно нет кумулятивной культурной эволюции. Считать ли интеллектуальное различие между человеком и другими животными качественным или количественным, каждый сам решает. Возможно, именно это имеет ввиду Семенов, когда говорит, что между зачатками разума и самим разумом, кардинальное различие. То есть, Юрий Иванович, видит именно качественное различие, в соответствии с принципом диалектики перехода количества в качество. Проблема в том, что он представляет это так, словно животные бездушные автоматы, рефлекторно реагирующие на внешние раздражители. Хотя порой он оговаривается, что психика животных сложнее, но в окончательных выводах представляет все так, словно, эта сложность не делает животных чем-то большим, чем роботами, бездумно отвечающими на ключевые стимулы.

- 9 *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20160821184928/http://scisne.net/a-1366?pg=3#1>.
Роджер Пенроуз Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 323–340). *Крис Фрит* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 28–37)
- 10 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 2...», см. ссылку в сноске 8 (с. 122)
- 11 *Крис Фрит* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 37)
- 12 *Крис Фрит* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 108–110). *Роджер Пенроуз* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 374–380)
- 13 *Крис Фрит* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 232–237)
- 14 *Роджер Пенроуз* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 362–365)
- 15 *Крис Фрит* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 109–111)
- 16 *Стивен Вайнберг* Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. Пер. с англ. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 256 с. (с. 30–40, 75–76, 187)
- 17 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 2...», см. ссылку в сноске 8 (с. 292–315). *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн.

- З...», см. ссылку в сноске 8 (стр. 143–187)
- 18 *Роджер Пенроуз* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 207–208, 215–230, 238–239)
- 19 Там же (с. 195–198)
- 20 Там же (с. 368–370)
- 21 *Юрий Семенов* Введение в науку философии. Кн. 4: Современные проблемы теории познания, или логики разумного мышления (умозримый мир в себе и для нас, факты, проблема, понимание и объяснение, идея, интуиция, холия, гипотиза, теория). Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 304 с. (с. 151–175)
- 22 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. З...», см. ссылку в сноске 8 (с. 97–101)
- 23 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. З...», см. ссылку в сноске 8 (с. 97–101, 109–140). *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 5...», см. ссылку в сноске 8 (с. 200–226). *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20160821184928/http://scisne.net/a-1366?pg=3#14>
- 24 Эволюция: Неопровержимые доказательства / *Джерри Койн*; Пер с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 424 с. (с. 320–322). Мифы об эволюции человека / *Александр Соколов*. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 390 с. (с. 249–254)
- 25 Влияние на лавинообразное увеличение интеллекта культурной составляющей имеет экспериментальные доказательства, см.: *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20161127172254/http://scisne.net/a-1366?pg=5#3>
- 26 *Норберт Заксер* Указ. соч. см. в сноске 8 (с. 126–131). Также см.: Читая между строк ДНК. Второй код нашей жизни, или Книга, которую нужно прочитать всем / *Петер Шпорк*; [перевод с нем. Галины Лютиковой]. — М.: Ломоносовъ, 2014. — 272 с. *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20161127172249/http://scisne.net/a-1366?pg=4#3>
- 27 *Роджер Пенроуз* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 330–332). *M. S. Gazzaniga, J. E. LeDoux, D. H. Wilson* «Language, praxis, and the right hemisphere: Clues to some mechanisms of consciousness»
<https://nyuscholars.nyu.edu/en/publications/language-praxis-and-the-right-hemisphere-clues-to-some-mechanisms>
- 28 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. В 7 книгах. Кн. 1...», см. ссылку в сноске 8 (с. 64–72). *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20161127172254/http://scisne.net/a-1366?pg=5#0>
- 29 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 2...», см. ссылку в сноске 8 (с. 317–320)

- 30 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 2...», см. ссылку в сноске 8 (с. 321). *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 3...», см. ссылку в сноске 8 (с. 91)
- 31 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 2...», см. ссылку в сноске 8 (с. 321)
- 32 *Макс Клопфер, Артур Кольбе* Основы этики М., 2005.
https://web.archive.org/web/20190418202323/http://sbiblio.com/biblio/archive/klopfers_osnovi/00.aspx
- 33 *Иммануил Кант*. Критика практического разума. Изд 3-е, стереотип. — СПб.: Наука, 2007. — 528 с. (с. 90)
- 34 *Александр Марков* «Эволюция кооперации и альтруизма: от бактерии до человека» <http://www.evolbiol.ru/altruism.htm>. *Александр Марков* «Эволюция человека...»
<https://web.archive.org/web/20161127172259/http://scisne.net/a-1366?pg=6#0>.
Петр Кропоткин Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: НИЦ Луч, 2020, — 256 с.
- 35 Нравственные начала анархизма / *Петр Кропоткин*. — М.: Книга по требованию, 2014. — 68 с.
- 36 *Александр Бузгалин, Андрей Колганов* Глобальный капитал. Т. 1: Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 5-е, доп. — М.: ЛЕНАНД, 2019 — 656 с. (с. 438–440)
- 37 То, что при капитализме имеет место именно такое перераспределение благ показано во множестве работ. См, например: *Джон Смит* «Империализм в XXI веке», пер. с англ. Игоря Кончаковского под ред. Дмитрия Субботина https://sceptis.net/library/id_3796.html. А также, *Зак Коуп, Токин Лауэсен* «Империализм и трансформация стоимости в цену», пер. с англ. Павла Чикарова https://sceptis.net/library/id_3829.html. Также см.: *Джеймс Хикел* «Насколько велико мировое неравенство, если по правде», пер. с англ. Дмитрия Пономаренко https://sceptis.net/library/id_3913.html. А также, *Джеймс Хикел* «Как не следует измерять уровень неравенства», пер. с англ. Дмитрия Субботина под ред. Дмитрия Пономаренко https://sceptis.net/library/id_3914.html. Еще по этой теме см.: *Джеймс Хикел* «Бедных в мире становится все меньше? Письмо Стивену Пинкеру (и заодно Биллу Гейтсу) о бедности в мире», пер. с англ. Дмитрия Пономаренко https://sceptis.net/library/id_3878.html. Также см.: *Борис Кагарлицкий* Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. Изд. 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2021. — 320 с. (с. 148–154). И еще см.: *Александр Бузгалин, Андрей Колганов*. Глобальный капитал. Т. 2: Теория:

- Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 5-е. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 888 с. Также см.: *Андрей Колганов*. Что такое социализм? Марксистская версия. Изд. 2-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2021. — 600 с. (с. 300–310). В дополнение см.: *Наоми Кляйн* Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. — М.: Хорошая книга, 2009. — 656 с.
- 38 *Александр Тарасов* «Соломон Косухин, модель бис» <http://saint-juste.narod.ru/antiochkina.html>
- 39 Там же
- 40 Там же
- 41 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 3...», см. ссылку в сноске 8 (с. 197–205)
- 42 *Александр Бузгалин, Андрей Колганов* «Глобальный капитал. Т. 1...», см. ссылку в сноске 36 (с. 440)
- 43 То что, в нищету погружено более половины человечества показывает доклад Pew Research Center <https://www.pewresearch.org/global/2015/07/08/a-global-middle-class-is-more-promise-than-reality/>. Также см. страницу Всемирного банка со статистикой бедности <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/understanding-poverty>. Количество голодающих измеряется миллиардами, что показано в работе «Согласно приведенным в докладе ООН данным, рост числа голодающих и сохранение проблемы неполноценного питания могут поставить под вопрос возможность ликвидации голода к 2030 году» <https://www.who.int/ru/news/item/13-07-2020-as-more-go-hungry-and-malnutrition-persists-achieving-zero-hunger-by-2030-in-doubt-un-report-warns>
- 44 См. ссылки в сноске 37
- 45 Справедливости ради стоит отметить, что некоторые марксисты пришли к схожим выводам. См.: *Александр Бузгалин, Андрей Колганов* «Глобальный капитал. Т. 1...», см. ссылку в сноске 36 (с. 440–442)
- 46 *Андрей Колганов* «Что такое социализм?...», см. ссылку в сноске 37 (с. 91–93)
- 47 *Александр Бузгалин, Андрей Колганов* «Глобальный капитал. Т. 1...», см. ссылку в сноске 36 (с. 438–442)
- 48 См. ссылку в сноске 38
- 49 *Александр Тарасов* «О священных коровах, всероссийских иконах и вечно пьяных гарантах демократии» <http://saint-juste.narod.ru/kosukhinu.htm>
- 50 *Александр Тарасов* «О безмолвствующем народе и социальном взрыве, которого все нет и нет» <http://saint-juste.narod.ru/tutchev.htm>. *Александр Тарасов* «О священных коровах...», см. ссылку в сноске 49. *Александр Тарасов* «Соломон Косухин, модель бис», см. ссылку в сноске 38

- 51 *Александр Тарасов* «О священных коровах...», см. ссылку в сноске 49
- 52 *Александр Тарасов* «О священных коровах...», см. ссылку в сноске 49.
Юрий Семенов «Россия: что с ней случилось в XX веке», раздел «Начало становления индустрополитаризма в России»
https://scepsis.net/library/id_349.html
- 53 Красота физики: Постигая устройство природы / *Фрэнк Вильчек*; Пер с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 604 с. (с. 294–302, 458–459).
Стивен Вайнберг Указ. соч. см. в сноске 16 (с. 142–147)
- 54 *Роджер Пенроуз* Указ. соч. см. в сноске 6 (с. 111–145)
- 55 Там же (с. 347–365)
- 56 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 5...» см. ссылку в сноске 8 (с. 158–160)
- 57 *Джон Смит* Указ соч. см. в сноске 37. *Зак Коуп*, *Токин Лауэсен* Указ. соч. см. в сноске 37. *Борис Кагарлицкий* Указ. соч. см. в сноске 37 (с. 152–153).
Александр Бузгалин, *Андрей Колганов* «Глобальный капитал. Т. 2...», см. ссылку в сноске 37 (с. 551–554). *Андрей Колганов* «Что такое социализм?...», см. ссылку в сноске 37 (с. 305–310)
- 58 *Андрей Колганов* «Что такое социализм?...», см. ссылку в сноске 37 (с. 297, 350)
- 59 *Борис Кагарлицкий* Указ. соч. см. в сноске 37 (с. 152–153, 264–265)
- 60 См.: *Юрий Семенов* «Россия, что с ней случилось в XX веке»
https://scepsis.net/library/id_128.html. *Александр Тарасов* «Национальный революционный процесс: внутренние закономерности и этапы» <http://saint-juste.narod.ru/revprc.htm>
- 61 Бесперспективность революции, как ни странно, показали некоторые марксисты, сами придерживающиеся революционного подхода, см.:
Александр Тарасов «Национальный революционный процесс...», см. ссылку в сноске 60
- 62 *Александр Тарасов* «О безмолвствующем народе...», см. ссылку в сноске 50
- 63 Манифест коммунистической партии: [перевод с немецкого] / *Карл Маркс*, *Фридрих Энгельс*. — Москва: Эксмо, 2020. — 96 с. (с. 90)
- 64 *Alvin M. Weinberg* «Can Technology Replace Social Engineering?»
<https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0002764201000903>
- 65 Mr. Freeman, part 62 («Обратного пути уже нет»)
<https://www.youtube.com/watch?v=-dLFGx-lcMQ>
- 66 *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. В 7 книгах. Кн. 1...», см. ссылку в сноске 8 (с. 66–72)
- 67 Такой вывод однозначно следует, если подробно рассмотреть концепции материализма и идеализма, и их позиции во влиянии на развитие

человеческой цивилизации. См.: *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. В 7 книгах. Кн. 1...», см. ссылку в сноске 8 (с. 58–89, 167-185). А также см.: *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 2...», см. ссылку в сноске 8 (с. 32–47). И еще см.: *Юрий Семенов* «Введение в науку философии. Кн. 3...», см. ссылку в сноске 8 (с. 219–232)

- 68 Например *Колганов*, отстаивая необходимость перестройки общества с помощью революции, указывает на важность реформ. См.: *Андрей Колганов* «Что такое социализм?...», см. ссылку в сноске 37 (с. 350–351)